

© 2017 г.

Член-корр. РАН П.П. ЧЕРКАСОВ

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ И СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦИИ

Черкасов Петр Петрович — член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

Уверен, что такую книгу¹ мог написать только Владислав Павлович Смирнов — доктор исторических наук, Заслуженный профессор МГУ им. М.В. Ломоносова, самый уважаемый в современной России историк-франковед. За его спиной 60 лет научно-преподавательской деятельности, множество монографий, учебников и статей. Он воспитал десятки учеников — дипломников, аспирантов, кандидатов и докторов наук. Выдающиеся заслуги профессора В.П. Смирнова в развитии исторической науки и высшего образования отмечены премией имени М.В. Ломоносова и золотой медалью «Французское Возрождение» («Renaissance française»). В 1996 г. он был избран членом Совета Института Франсуа Миттерана (Париж).

Жанр его новой книги трудно определить однозначно. Это и не научная монография в общепринятом понимании, и не популярный очерк по истории, географии и культуре Франции, и не личные впечатления о стране, в которой В.П. Смирнов многократно бывал на протяжении более чем полувека, где он собирал материалы для своих исследований, где преподавал и по которой много путешествовал. Сам автор определил цель своей книги следующим образом: «дать читателю общее представление о Франции и французах, рассказать о природе, историческом прошлом и современном положении этой страны, о населяющих ее людях и их образе жизни» (с. 5). Особое внимание В.П. Смирнов уделил рассмотрению национальных особенностей, национальной психологии и национального характера французов — тем более, что эти вопросы недостаточно разработаны в научной литературе.

«Образы Франции» — это книга, совместившая в себе элементы многих жанров. В определенном смысле можно определить эту содержательную книгу как историко-культурный путеводитель по Франции, составить который мог только человек, обладающий глубокими знаниями, широкой эрудицией, личным опытом жизни во Франции, наконец, литературным талантом. Все это в полной мере свойственно профессору В.П. Смирнову. Характер книги не предполагает наличие научного аппарата, но за каждой ее страницей чувствуются пласты источников, исследовательской и художественной литературы, мемуаристики, на которые опирался автор.

В России существует давняя традиция восприятия Франции, описания существовавших в ней в разные времена порядков и нравов. Существуют и многочисленные, подчас противоречивые характеристики французов как нации. Эта традиция насчитывает более 300 лет и ведет начало от Андрея Артамоновича Матвеева, петровского дипломата, побывавшего во Франции в 1705–1707 гг. Он оставил первый своего рода подробный репортаж о пребывании в Париже. В столице Франции в 1717 г. побывал и сам Петр Великий. От его визита ведут отсчет регулярные дипломатические отношения между Россией и Францией, которым в 2017 г. исполнилось 300 лет.

¹ Смирнов В.П. Образы Франции. История, люди, традиции. М.: Ломоносовъ, 2017, 248 с.

Все многообразие мнений и суждений о Франции и французах, высказанных русскими путешественниками и литераторами, можно свести к двум позициям — критической и апологетической. Основоположником критического отношения к Франции был Денис Иванович Фонвизин, побывавший там за 12 лет до революции 1789 г. «Я думал сперва, — писал он сестре, — что Франция, по рассказам, земной рай, но ошибся жестоко... Господа вояжеры лгут бессовестно, описывая Францию земным раем. Спору нет, что много в ней доброго, но не знаю, не больше ли худого. По крайней мере, я с женою до сих пор той веры, что в Петербурге жить несравненно лучше».

В других его письмах с берегов Сены можно в немалом числе встретить еще более критические, даже безжалостные, оценки Франции и французов. Вот, например, какое впечатление вынес Фонвизин от личного знакомства с французскими просветителями. «Д'Аламберты, Дидероты в своем роде такие же шарлатаны, каких видал я каждый день на бульваре; все они народ обманывают за деньги, и разница между шарлатанами и философом только та, что последний к сребролюбию присовокупляет беспримерное тщеславие», — писал автор «Недоросля» и «Бригадира» графу Никите Ивановичу Панину.

Совсем другими глазами увидел Францию Николай Михайлович Карамзин, путешествовавший по ней спустя 13 лет после Фонвизина. Для него Франция предстала как «прекраснейшее на свете государство, прекраснейшее по своему климату, своим произведениям, своим жителям, своим искусствам и художествам». Столь же восторженно Карамзин характеризовал и французов. «Скажу: *огонь, воздух* — и характер французов описан, — делился он своими впечатлениями с одним из своих французских знакомых. — Я не знаю народа умнее, пламеннее и ветренее вашего... Веселая безрассудность есть милая подруга жизни его. Как англичанин радуется открытию нового острова, так француз радуется острому слову. Чувствителен до крайности, страстно влюбляется в истину, в славу, в великие предприятия».

Самое удивительное — написано это в 1790 г., когда были налицо все признаки революционного насилия. Отрубленные головы, насаженные на пики или решетки парков и садов, уже дополнили привычный городской пейзаж Парижа.

Эти два противоположных взгляда на Францию и французов (как и на Запад в целом) найдут каждый своих приверженцев и впоследствии оформятся в русском политическом сознании в две идейные концепции — славянофильскую и западническую. Впрочем, это отдельная тема, выходящая за рамки настоящей публикации.

Профессор В.П. Смирнов, как никто другой, глубоко знает Францию, ее историю и культуру. Но он не только знает, но и любит Францию, и в этом смысле он, конечно же, «карамзинист», т.е. франкофил. Казалось бы, — а как же иначе? Разве можно профессионально изучать страну, к которой испытываешь антипатию? Оказывается, можно.

В недавние (советские) времена встречалось, например, немало американистов, которые ожесточенно клеймили «американский империализм». А сколько было германистов, сделавших смыслом профессиональной жизни обличение «западногерманского реваншизма»!

Франция не стала исключением. Так, например, в первом издании советского «Дипломатического словаря» в статье о генерале де Голле говорилось, что он собирал «вокруг себя наиболее реакционные силы Франции, систематически ведя борьбу против республики», что он «выступает против СССР и за подчинение политики и экономики Франции Соединенным Штатам»².

Подобные оценки сохранялись на всем протяжении 1950-х годов. Отдельные советские франковеды открыто называли генерала де Голля врагом демократии, реакционером, прислужником монополий, бонапартистом и чуть ли не фашистом,

² Дипломатический словарь, т. I. М., 1948, с. 546.

а основанную им Пятую республику вплоть до середины 1960-х годов определяли не иначе как «режим личной власти».

Научное значение «трудов» подобных обличителей уже тогда вызывало большие сомнения, а после 1991 г. «труды» эти заслуженно оказались на историографической свалке.

Сказанное ни в коей мере не относится к исследованиям В.П. Смирнова, который всегда — и в середине 1950-х годов, когда он только начинал профессионально изучать историю Франции, и в последующие годы — никогда не писал в угоду идеологическим установкам, хотя быть полностью независимым от навязанной еще в 1920—1930-е годы «марксистско-ленинской методологии» было практически невозможно.

Как понять другой мир, другую страну, ее народ, понять без предвзятости и идеализации? Наверное, следует начать, как это и делает автор, с истории народа, попытавшись оценить его вклад в мировую цивилизацию, в материальную и духовную культуру.

Структура книги строго подчинена авторскому замыслу. В первых ее двух частях раскрывается процесс превращения античной Галлии в современную Францию, а галлов и франков — в современных французов. Здесь читатель найдет богатый, тщательно отобранный, проанализированный и литературно изложенный материал по истории и культуре Франции от их истоков до конца XIX в. Здесь же содержатся глубокие наблюдения и размышления автора о политической культуре, традициях и национальном характере французов, сформировавшихся на протяжении многих столетий.

Обобщая сложившиеся представления о французах, сопоставляя их с собственными наблюдениями, В.П. Смирнов выделяет такие черты и качества французской нации, как рационализм и легкомысленность, остроумие и скептицизм, индивидуализм («крайний эгоцентризм», по определению Ж. Помпиду), и общественная активность, свободомыслие и нелюбовь к дисциплине, переходящие во фрондерство и противодействие власти, отвага, не чуждая некоторой театральности, врожденные галантность и учтивость.

На складывание национального характера огромное влияние оказали политическая культура и традиции Франции, рассматриваемые во второй части книги.

В истории этой демократической по своей природе страны, можно найти немало страниц деспотического произвола, но в ней же издревле существовали свободы и волюнты, за которые народ нередко сражался с оружием в руках. Еще за 400 лет до Французской революции 1789 г. крестьяне Франции освободились от личной крепостной зависимости, что имело огромные исторические последствия.

Королевская власть всегда вынуждена была считаться с древними волюнтиями своего народа. Упомянувшийся уже русский дипломат Андрей Матвеев, побывавший во Франции в самом начале XVIII в., с изумлением отмечал в своих записках: «Ни король, кроме общих податей (хотя самодержавный государь), никаким насиланием не может особливо ни с кого взять ничего». Со времен кардинала Ришелье (первая половина XVII в.), несмотря на запреты, существовала обширная оппозиционная памфлетная литература (так называемые «либеллы» и «филиппики»).

Одновременно с укреплением абсолютизма и вопреки ему, во Франции происходило становление гражданского общества. Лучшие умы Франции рано осознали ту истину, что сосредоточение всей ответственности, т.е. бесконтрольной власти в руках государственного монстра ведет к полной безответственности его перед гражданами, чревато произволом и другими тяжелыми последствиями для страны.

Французы давно привыкли к разделению властей, к отвоеванной ими свободой слова и печати, к участию в выборах и к многопартийной системе. Давней традицией французской общественно-политической жизни, и это показано в книге В.П. Смирнова, является защита жертв произвола и несправедливости. По крайней мере с XVIII в. Франция всегда предоставляла убежище иностранцам, преследуемым у себя на родине по политическим мотивам. В XVIII — XIX вв. она принимала у себя поляков и итальянцев, затем русских революционных эмигрантов. После 1917 г. она

стала убежищем для десятков тысяч беженцев из России, а с середины XX в. — для выходцев из бывших французских колоний. Эта гуманистическая традиция продолжается и в наши дни, когда Франция, наряду с Германией и другими странами ЕС, принимает вынужденных мигрантов из Северной Африки и Ближнего Востока.

Уважительное отношение к интеллигенции и интеллектуальному труду, нескрываемая неприязнь к буржуазии и бюрократии — тоже специфически французская политическая традиция. Интеллектуалы всегда были широко представлены во власти — Адольф Тьер, Франсуа Гизо, Габриэль Аното (все трое — известные историки), преподаватель литературы, знаток живописи, скульптуры и музыки Эдуард Эррио, крупный математик Поль Пенлеве, преподаватель литературы Жорж Помпиду, современный историк-наполеонист Доминик де Вильпен.

В третьей части книги В.П. Смирнов прослеживает политическое и социально-экономическое развитие Франции с начала XX в. до наших дней. Здесь емко и выразительно рассмотрены основные периоды новейшей истории Франции, связанные с двумя мировыми войнами, распадом Французской колониальной империи и сменой нескольких политических систем — Третьей республики, так называемого «Французского государства» во главе с маршалом Ф. Петеном, Временного режима, родившегося из Сопротивления, Четвертой и, наконец, современной Пятой республики. Читатель найдет в книге убедительные объяснения причин смены политических режимов, а также краткие портретные зарисовки основных государственных деятелей Франции XX — начала XXI в.

В.П. Смирнов, как российский историк, не мог, разумеется, обойти вниманием в своей книге тему отношений Франции и России — тем более что история этих отношений уходит корнями в начало XI в., когда одна из дочерей Ярослава Мудрого, Анна была выдана замуж за короля Франции Генриха I. С той далекой поры разное случилось в истории франко-российских отношений, которые, вопреки распространенному мнению, отнюдь не были безоблачными. Периоды сближения сменялись размолвками и даже откровенной враждой.

Параллельно с официальными, зачастую прохладными, отношениями, происходил процесс культурно-духовного знакомства и взаимодействия двух народов и двух культур.

В XVIII в. часть французских просветителей во главе с Ж.-Ж. Руссо резко критически относилась к России и петровским преобразованиям. «Русские, — категорично утверждал автор “Общественного договора”, — никогда не будут народом истинно цивилизованным, потому что их цивилизовали слишком рано. Петр имел только подражательный гений: истинного гения, который создает и делает все из ничего, у него не было. Некоторые из проведенных им реформ были сделаны хорошо, большая же часть была неуместна».

С аналогичных позиций оценивал Россию французский социалист-утопист Г. Б. де Мабли, обличавший Петра за сохранение крепостного права. По мнению Мабли, Петр многому научил русских: торговать, воевать, строить и так далее, — но он не научил их прежде всего главному: быть гражданами.

Именно в XVIII в. родился миф о захватнических устремлениях России в Европе. И хотя Бернар Фонтенель, Вольтер и некоторые другие французские философы положительно оценивали усилия Петра I по преодолению вековой отсталости России, преобладающим для французского общественного сознания долгое время было недоверчиво-критическое отношение к стране «деспотизма и рабства», к «империи фасадов», по определению Астольфа де Кюстина. Такое недоверчиво-критическое отношение к России существует и в современной Франции.

Столь же неоднозначным было и отношение к Франции в России, о чем уже говорилось. С одной стороны, наблюдалось унижающее национальное достоинство подражание всему французскому, доходившее до отказа значительной части дворянства от родного языка. С другой — приверженцы «особого» пути исторического развития

России, а их было (и остается) немало, видели во Франции, как и в Западе в целом, источник зла.

Если весь XVIII в. и первую половину XIX в. в русско-французских культурных связях доминировало французское влияние на Россию, то в последующий период происходило встречное мощное движение благодаря бурному расцвету русской национальной культуры — литературы, музыки, балета и авангардной живописи.

Дважды в XX в. обе страны сражались в одной коалиции против общего противника, однако с началом «холодной войны» они оказались по разные стороны «железного занавеса». Генералу де Голлю, основателю Пятой республики, стремившемуся восстановить прежнее значение Франции как мировой державы, удалось наладить взаимовыгодный франко-советский диалог, который продолжался в последующие 30 с лишним лет.

Говоря о современной Франции, В.П. Смирнов не разделяет пессимизма тех (а таких немало и среди самих французов), кто утверждает об упадке Франции, об ослаблении ее экономического, политического и идейного влияния в мире. Он напоминает, что подобные разговоры не новы, они периодически возобновляются на протяжении последних двух столетий.

Казалось бы, в начале XXI в. всем очевидно отставание Франции от США, Германии, Китая или Японии по ряду показателей. Французская культура и французский язык — некогда международные эталоны — утратили прежние позиции, а само французское внутреннее культурное пространство в значительной степени оказалось во власти «американизации». «Но доказывает ли все это, что Франция находится в состоянии «упадка»? — задается риторическим вопросом В.П. Смирнов, и сам же на него отвечает: «Напомним, что Франция занимает второе место в мире по экспорту сельскохозяйственной продукции, третье место по объему международной торговли, четвертое место по размерам валового национального продукта. Можно ли говорить об «упадке» такой страны? По-видимому, речь должна идти не об «упадке», а об изменении места Франции в изменившемся мире. В XVIII в., на который любят ссылаться как на точку отсчета те, кто говорит об «упадке» Франции, она занимала исключительное положение в Западной Европе, а Западная Европа была тогда экономическим, политическим и культурным центром всего известного европейцам мира. Россия еще только выходила на мировую арену, США считались далекой провинцией, а такие гигантские страны, как Китай, Индия, Индонезия, страны Африки и Латинской Америки, были объектами колониальной экспансии европейцев. Только в той системе мира и только на время была возможна гегемония Франции. С тех пор мир очень изменился и, конечно, будет меняться и дальше, — завершает свою мысль В.П. Смирнов. — А Франция ищет свой путь в меняющемся мире» (с. 235–236). С этим разумно-оптимистичным прогнозом знатока и друга Франции нельзя не согласиться.

Профессор В.П. Смирнов написал книгу, которая станет лучшим пособием для введения студентов исторических факультетов наших университетов в специализацию по истории Франции.

В связи с этим остается только мечтать, чтобы вслед за «Обрами Франции» появились аналогичные «образы» Германии, Англии, Италии, Испании, США и других стран. Вот только найдутся ли у нас авторы, способные так достойно представить «свою» страну, как это сделал профессор Владислав Павлович Смирнов?

Его книга будет полезна и студентам других специальностей — филологам-переводчикам с французского, политологам и экономистам-международникам. Я бы добавил сюда дипломатов, которым предстоит работа во Франции, а также предпринимателей, имеющих деловые интересы в этой стране. Несомненно, книга В.П. Смирнова будет востребована и более широким кругом читателей, интересующихся Францией.